
История и культура славянского мира

УДК 433.9

ББК 63.3

Мельников Георгий Павлович,

кандидат исторических наук, профессор,

Институт славяноведения, Российская академия наук,

Ленинский просп., 32 а, 119334 г. Москва, Российская Федерация;

декан факультета культурологии ФГБОУ ВПО

«Государственная академия славянской культуры»,

Хибинский проезд, д. 6., 129337 Москва, Российская Федерация

E-mail: geramel@mail.ru

ЧЕШСКАЯ ЭТАТИЗАЦИОННАЯ ЛЕГЕНДА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРОНИСТИКЕ

Аннотация: Чешская раннесредневековая легенда о возникновении государства, возникшего в результате требования племени чехов об установлении княжеской власти, реализованного посредством брака пророчицы Либуше (Libuše) и пахаря Пршемысла (Přemysl), оказала чрезвычайно важное влияние на чешскую культуру и общественное сознание. Она являлась одним из главных национальных исторических преданий чехов на протяжении всего Средневековья и повлияла на формирование чешской идентичности. Предпринятое сравнение текстов легенды, содержащихся в различных хрониках XI–XVI вв., показывает обусловленную историческими событиями актуализацию легенды через детали и смысловые оттенки при сохранении её основного смысла. Он состоит в идее богоизбранности правящей династии Пршемысловцев (Přemyslides), двуединстве государственного и церковного начал в чешском общественном сознании, демократичности (пахарь становится князем), близости верховной власти к простому народу, патриотизме.

Ключевые слова: Чехия, государственность, легенда, Средневековье, хроники, общественная мысль, патриотизм.

В формировании чешской государственной идеологии в Средние века центральное место заняла мифологема происхождения чешского государства, сформированная на рубеже XI–XII вв. в «Чешской хронике» Козьмы Пражского. Это — ставшая знаменитой легенда о пророчице Либуше, сюжет которой сводится к следующему. Либуше, дочь князя Крока, в языческие времена правила племенем чехов до тех пор, пока знатные люди не потребовали установления мужской наследственной власти. По указанию Либуше был призван на княжение пахарь Пршемысл, взявший её за муж и положивший начало династии Пршемысловцев, правившей

Чехией вплоть до убийства последнего её представителя Вацлава III в 1306 г. Сама же Либуше пророчествовала о грядущей славе Праги как столице Чехии и о чешских национальных святынях.

Легенда о Либуше и Пршемысле-пахаре стала главной этатизационной легендой в сознании чешского средневекового социума, которую дополняло этногенетическое предание о происхождении чехов от хорватов и легенда о трёх братьях — Чехе, Лехе и Русе, акцентировавшие сознание славянской общности.

Легенда о Либуше и Пршемысле-пахаре глубоко укоренилась в чешском обществе. Рассказ Козьмы Пражского повторяют, с некоторыми дополнениями и изменениями в деталях, все последующие чешские хронисты вплоть до XVI в. Легенда вошла в культурное сознание чешского народа, став одной из главных составных частей историко-культурного наследия. К ней неоднократно обращались мастера изобразительного искусства от позднего Средневековья до наших дней. Особый патриотический акцент легенда приобрела в эпоху Национального возрождения. Её поэтическая обработка, имеющаяся в Рукописях Краледворской и Зеленогорской — фальсификатах, сочинённых историком и филологом В. Ганкой и поэтом Й. Линдой, стала основой главного художественного произведения, сфокусировавшего чешское историко-патриотическое сознание Нового времени — оперы Б. Сметаны «Либуше» (1872), премьерой которой в 1881 г. торжественно открылся Национальный театр в Праге.

На протяжении своего существования в истории чешской культуры данная этатизационная легенда аккумулировала в себе династический, исторический и патриотический элементы, каждый из которых доминировал на определённом этапе исторического развития чешского народа. Мы рассмотрим эволюцию легенды в памятниках чешской хронистики Средневековья, когда она сформировалась и получила статус официального предания об основании чешского государства. Мы сознательно не будем анализировать Легенду Кристиана, хотя именно её крупнейший чешский исследователь раннего Средневековья Д. Тршештик считает первоначальной [18, s. 109]. Мы не берём этот памятник чешской литературы, поскольку он относится к другому, чем хроники, жанру, а также в силу крайней спорности его датировки; к тому же сравнение текста Кристиана с пршемысловской легендой у Козьмы Пражского уже осуществил тот же Д. Тршештик [18, s. 101–106, 161–164].

Интерпретация средневековыми хронистами данной этатизационной легенды имела несколько принципиальных особенностей, очень важных для формирования государственной идеологии. Во-первых, обосновывалась идеологема богоизбранности чешской правящей династии. Козьма Пражский, затем в XIV в. итальянский автор «Чешской хроники» Мариньола, используя «христианскую ретроспекцию» представляют событие языческого прошлого — установление монархического правления в Чехии — как акт божественного, следовательно, христианского провидения. Пророчица Либуше в хронике Мариньолы приобретает черты ветхозаветной сивиллы, предсказавшей рождение Иисуса Христа [12, s. 502]. Благодаря такому литературному построению династия Пршемысловцев обретает оттенок христоподобия. Наиболее наглядно эта идеологема выражена в выдающемся памятнике

чешской монументальной живописи — росписях капеллы св. Екатерины в Зноймо (1134), где по заказу местного князя, претендовавшего на пражский престол, были изображены сцены пророчества Либуше и призвания Пршемысла-пахаря, причём в общей композиции росписей эта сцена расположена непосредственно под сценой Благовещения, что семантически означало христоподобие чешской правящей династии [13, s. 116–120]. Отметим также, что идеологема богоизбранности, имевшей место, согласно хронистам, ещё в дохристианские времена, резко выделяет чешских Пршемысловцев на фоне не только других чешских знатных родов, но и соседних правящих домов, подчёркивая приоритетное положение Пршемысловцев, особое предназначение их судьбы. Для идеологии чешского общества это означало особую связь подданных с богоизбранной династией, осуществляемую посредством подчинения, послушания. Поэтому сопротивление, прежде всего чешской знати, что на деле происходило весьма часто, под пером хронистов приобретало оттенок богопротивных деяний.

Во-вторых, на первом, досвятовацлавском этапе формирования чешской государственной идеи возникает положение о тесном союзе центральной власти и её подданных. Близость княжеской, затем королевской власти и всего общества усиливается автохтонным генезисом правящей династии, которая к тому же происходит не из среды знати, а из простого крестьянства. Эта черта акцентируется родом занятий Пршемысла-пахаря. Хронисты нигде не говорят о языческой семантике фигуры землешца, в отличие от современных исследователей, подчёркивающих сакральный статус пахаря в традиционной культуре [8, с. 650–658; 18, s. 113–116]. Христианские хронисты, очевидно, этого просто не знали. Их интересует другое — простонародное, крестьянское происхождение династии. На этом строится мифологема родства верховной власти и простого народа, исключая социальное противостояние, классовую борьбу и создающая в свою очередь мифологему, близкую к широко распространённым представлениям о «крестьянском царе». Образуется связь по схеме: монарх – народ (крестьянство), в которой знать (будущая шляхта) оказывается вне этой сакрализованной связи. Поэтому в отношении знати монарх должен править твёрдой рукой. Тезис о подчинении знати («оптиматов», т. е. «лучших людей») жёсткой «мужской» власти Пршемысловцев вложен Козьмой Пражским в уста самой Либуше [11, s. 16], что обуславливает нелегитимность любого сопротивления монархической власти со стороны знати.

Символом «лапотного» происхождения чешских монархов у хронистов становятся реальные предметы — лапти и сума лыковая, принадлежавшие Пршемыслу-пахарю, которые в назидание должны демонстрироваться его потомкам во избежание отрыва власти от народа. Сакрализация этих предметов происходит при Карле IV в середине XIV в., когда они вводятся в обряд коронации чешских королей [4, с. 55–56]. Интересно отметить, что мифологема пахаря у Козьмы Пражского свободна от древнеримских исторических реминисценций (призвание Цинцинната от плуга к императорской власти), которые были бы вполне уместны в чешском контексте.

Пршемысловская легенда во многом основывается на идее общеславянского этногенеза. В легенде о Либуше присутствует лишь один её аспект — родство чешского и польского этносов, происходящих от одного корня. Это Крок или Крак — основатель Кракова, выступающие в одних источниках как единое лицо, а в других как разные лица, находящиеся в родственных отношениях. Это представление было впоследствии востребовано и активно использовано чешской внешней политикой при последних Пршемысловцах (Вацлав II и Вацлав III были избраны королями Польши) и при Карле IV, когда в дипломатической переписке с Казимиром III акцентировалось положение о том, что поляки являются младшими братьями чехов [6, с. 36] (здесь также присовокуплялось влияние легенды о трёх славянских братьях).

Чешская этатизационная легенда в сознании чешского общества, выраженного в хронистике, стала основой идеи целостности этого общества, при существовании определённой социальной дифференциации, и первенствующего положения чехов как этногосударственного организма во всём регионе Центрально-Восточной Европы, помимо отмеченного влияния на чешское историко-культурное сознание и художественную культуру.

Обобщая тексты хронистов, можно выделить следующие аспекты легенды о Либуше и Пршемысле как основополагающем предании о генезисе чешской государственности.

1. Легенда как этатизационная стала основой чешского государственного сознания, включая этнические и правовые аспекты, такие, как богоизбранность, сильная власть монарха, опирающегося на народ и установленные законы.

2. Легенда глубоко вошла в историческое сознание чешского социума, актуализируясь в сфере политики в переломные моменты чешской средневековой истории (выборы представителя новой династии в начале XIV в., кризис доверия народа к гусизму в конце гуситских войн в XV в., выразившемся в казусе «стадицкого короля»).

3. Возникла практика реинтерпретации легенды в соответствии с актуальной политической ситуацией, когда подчёркиваются, замалчиваются, добавляются определённые детали, придающие легенде злободневное звучание. При этом можно чётко определить направленность инноваций. Так, мы наблюдаем валоризацию в случае уподобления княжны Элишки Пршемысловны, наследницы чешского трона после убийства её брата Вацлава III, пророчице Либуше при решении вопроса об избрании нового чешского монарха. Наоборот, происходит понижение сакрального статуса легенды после вхождения Чешского королевства в империю Габсбургов, что отразила «Чешская хроника» Вацлава Гаека из Либочан (середина XVI в.).

4. Ретроспективная христианизация легенды и пророчеств Либуше приносит элементы идеологии богоизбранности чехов и их властителей в общественное сознание.

5. Легенда содержит два противоречащих друг другу политических положения. Народ в лице оптиматов — «лучших людей» — избирает князя, хотя и по прямому указанию Либуше, но всё же избирает, и при этом князь приносит опреде-

---

лѣнного рода присягу — клятву заботиться о нуждах и благе всего племени и княжества. Но новая княжеская власть устанавливает жѣсткое подчинение, с которым знать должна смириться, подчиняясь единовластию монарха. Это противоречие монархического и шляхетско-демократического начал в легенде прямо отражает чешские политические реалии раннего Средневековья, когда постоянно идёт борьба за власть между пражским князем и группировками знати, привлекающими на свою сторону других представителей рода Пршемысловцев. Эти осуждаемые всеми хронистами междоусобицы оказываются уже запрограммированными в главном предании о происхождении центральной власти в Чехии, где не проведено чѣткого разграничения властных полномочий между центральной княжеской властью и знатью. Реальная дихотомичность властных структур как бы реализует заложенное в легенде противоречие государственно-юридического характера. Если сопоставить это положение с идеологемой тесной связи Пршемысловцев с простым народом, то можно сделать вывод об абсолютной легитимности борьбы пражского князя с мятежной знатью. Однако теоретически ситуация осложняется, когда борьбу группировок знати против центральной власти возглавляют члены правящей династии, также принадлежащие к потомкам Пршемысла [23]. В итоге, во всех вариантах легенды эта противоречивость никак не устраняется, лишь в зависимости от ситуации актуализируется принцип выборности монарха или, наоборот, правомерность жѣсткого подавления сопротивления центральной власти.

6. Простонародное (крестьянское) происхождение династии Пршемысловцев имело следующие следствия:

- установление прямой связи князя с народом, минуя знать, что формировало представления о народном, «крестьянском» монархе;
- подчѣрквание автохтонности верховной власти в Чехии, что позднее, в хронике так называемого Далимила, стало основанием чешской ксенофобии.

Однако в то же время персона Пршемысла отделяется от простого крестьянства благодаря описываемым хронистами пророчествам, чудесам и волшебству, относящимся к фигуре Пршемысла, что подчѣркывает божественную предначертанность его избрания и тем самым отдаляет его от простого крестьянства. Пахарь оказался совсем не простой. Однако сакрализованные обстоятельства и детали его избрания не загораживают главной идеей: чешские властители происходят из автохтонного крестьянства, т. е. не принадлежат ни к завоевателям, ни к знатным слоям общества.

7. Связь чешского и польского этносов через предков Либуше способствовала укреплению идеи славянской общности.

8. Легенда содержит патриотические сюжеты (пророчество Либуше о грядущей славе Праги и двух великих чешских святых — князе Вацлаве и епископе Войтехе), приобретающие особую актуальность в переломные периоды чешской истории, включая Национальное возрождение.

9. Патриотизм легенды включает в себя синтез государственного и христианского начал, что является характерной чертой сознания чешского средневекового общества.

10. Распространение и укоренённость легенды в общественном сознании имели одним из частных следствий насыщение географического пространства Чехии локусами, преимущественно градами, якобы связанными с жизнью Либуше и Пршемысла, что способствовало формированию исторического восприятия ландшафта страны.

Таковы основные, общие положения легенды, присутствующие во всех её вариантах.

Наиболее известный исследователь пршемысловской легенды Д. Тршештик справедливо отметил, что первоначальный смысл легенды — это возникновение чешского государства [18, s. 161], однако именно этот аспект он менее всего проанализировал в своих книгах «Мифы племени чехов» [18, s. 99–167] и «Начала Пршемысловцев. Вхождение чехов в историю (530–935)» [19]. Он также абсолютно правильно определил характер легенды: она изначально была легендой «политической», поэтому постоянно актуализировалась [18, s. 166], но в его работах анализ актуализации легенды кончается Козьмой Пражским, мы же только начинаем с его «Чешской хроники».

Главная цель данной статьи — анализ содержания текста легенды в каждом памятнике чешской средневековой хронистики и их сопоставление. При этом главное внимание обращается на инновации, содержащиеся в текстах, которые были детерминированы временем их возникновения и актуальными задачами.

Впервые пршемысловская легенда в её «классическом» виде, со всеми элементами, предстаёт на первых страницах первой чешской хроники, написанной на латинском языке каноником Козьмой Пражским в начале XII в. (само сочинение обстоятельно исследовано [1, с. 49–55, 65–67; 16; 17; 20, s. 518–520]). Каковы в данном случае были источники Козьмы, остаётся для современных историков загадкой. Д. Тршештик пытался доказать, что это была Легенда Кристиана, что нам не представляется убедительным, и ряд других устных и письменных источников. Можно лишь логически предполагать, что Козьма опирался на уже существовавшую устную династическую традицию Пршемысловцев. Судя по идеологической значимости самой легенды, представляется маловероятным его полное авторство, которое было бы в таком случае чистой инновацией, что противоречит стилю исторического мышления средневековых хронистов. Д. Тршештик обоснованно полагает, что старое предание было переделано в X в., чтобы обосновать власть рода Пршемысловцев с центром в Праге над всей Чехией, а затем оно уже было переработано Козьмой [18, s. 165].

В «Чешской хронике» Козьмы Пражского легенда изложена в III–IX главах I книги [11]. Сначала говорится о «демократии» языческих чехов, не знавших частной собственности, криминальных преступлений и оружия, кроме стрел для охоты на зверя, затем констатируется деградация этого состояния и появление частной собственности и грехов, с нею связанных. В этих условиях появляются старейшины племени как самые уважаемые или богатые люди, советующие соплеменникам, как тем поступать, делая это без принуждения и системы осуществления власти. Используя современную терминологию, это состояние можно назвать разложением

родоплеменного строя. В числе старейшин упоминается Крок — отец Либуше, основавший град у деревни Збечен [11, s. 13–14]. Так Козьма уже в начале своего повествования увязывает историю с современной ему топографией и ландшафтом.

О Либуше сначала говорится также как об основательнице мощного града у леса, тянувшегося к этой же деревне Збечен, который в честь своей основательницы получил название Либушин. Далее хронист описывает достоинства Либуше, акцентируя её пророческий дар, позволивший чешскому народу избрать её своим судьёй. Однако при этом Козьма говорит, что пророчествование плохо отразилось на её судьбе. Эти слова хрониста не очень понятны. Что он имел в виду: то, что её избрали судьёй, или же то, что она по пророческому вдохновению указала на будущего чешского князя и, соответственно, своего мужа, тем самым лишившись статуса лидера племени? Козьма сравнивает Либуше с Кумской сивиллой [11, s. 16–17], что для сведущего в христианстве читателя сразу ассоциировалось с пророчеством о рождении Иисуса Христа. Так, уже в начале изложения легенды видна её христианизация задним числом, необходимая для концепции богоизбранности чехов и континуитета их истории, когда языческий период не противопоставляется христианскому, а позиционируется как его пролог.

Идиллия мудрого правления Либуше прерывается спором двух богатых и знатных мужей из-за границы их полей, приводящим к утверждению мнения у всего племени чехов о необходимости перемены способа правления, т. е. переходу к княжеской власти. Имущественный спор, относящийся к категориям собственности и богатства, осуждаемым Козьмой как греховные с христианских позиций, имеет следствием переворот в общественном развитии, приведший к установлению сильной княжеской власти и новых законов, соответствующих уже значительно стратифицированному обществу. Возникает чешское государство и одновременно правящая династия. В чём состояла причина перехода к новой форме правления и организации чешского общества, по тексту Козьмы определить довольно затруднительно. По этому поводу Д. Тршешик выдвигал ряд соображений, анализировать которые в данном случае мы не будем, так как это уведёт нас от темы.

Либуше открыто обозначает переход к новому принципу власти и новой социальной структуре, от родоплеменной демократии к монархии и средневековому обществу. Она говорит на вече о будущем князе, который установит сильную княжескую власть и создаст новую, более развитую структуру социума. Она прямо перечисляет социальные группы и профессии, новые налоги. Характерно, что в этом перечне будущих социальных слоёв нет шляхты, но есть военные должности, которых у «демократических» чехов ещё не существовало, — полковник и сотник [11, s. 18].

Вече, на которое собралось всё племя чехов, одобрительными криками подтверждает своё желание перейти к княжеской форме правления. Так в чешской хронистике появляется историческое обоснование выборности монарха, которая в реальной политической жизни осуществлялась с большими оговорками, но входила в основной корпус прав и привилегий чешского государства [23, s. 155].

Затем Либуше в пророческом экстазе говорит о том, где именно и кого именно следует искать, чтобы предложить этому мужчине княжеский престол: у деревни Стадице пашет пахарь Пршемысл, который и будет князем и её мужем. Она также обращает внимание на семантику его имени, означающего по-чешски «мудрый», «думающий», по-латински *praemeditans, superexcogitans* [11, s. 18]. Д. Тршештик верно заметил, что требования дать им князя, т. е. изменить форму правления, исходит от всех чехов как племени, Либуше лишь указывает, кого именно надо позвать на княжение [18, s. 106]. Привести послов к будущему князю должен конь Либуше, который, по её словам, хорошо знает дорогу [11, s. 19].

В описании Козьмой подготовки посольства чехов к Пршемыслу есть противоречие, которого он не скрывает. Само пророчество Либуше о будущем князе представлено как боговдохновенное, однако тут же происходит явное снижение статуса пророчества, так как в словах о коне, уже знающем дорогу, сквозит явный намёк на предварительный сговор Либуше и Пршемысла. На это обратили внимание некоторые люди, присутствовавшие на вече, заподозрив срежиссированность избрания князя. Козьма предлагает иронично относиться к таким сплетням. Он говорит, что пусть им верит еврей Апелла [11, 19]. Это одиозная личность, хорошо известная в Чехии. Он был выкрестом, стал советником и помощником чешского князя, но в 1125 г. вернулся в иудаизм и совершил святотатство: разбил алтарь и утопил хранившиеся там святые мощи в отхожем месте [11, s. 200]. Остаётся непонятным, зачем Козьма пересказывает сплетни. Скорее всего, они входили в устное предание, отражая скептицизм некоторых представителей знати по отношению к династии Пршемысловцев. Так или иначе, но амбивалентность смысла здесь сохраняется.

Далее, в сцене призвания Пршемысла на княжение мы видим у Козьмы явные политические и христианские реминисценции. Будущий князь призывается в прямом смысле слова от сохи, что акцентирует его связи с крестьянством и родной землёй, создавая патриотический топос, усиливающийся ещё тем, что уже во времена Козьмы существовала деревня под названием Стадице. Пршемысл втыкает в землю палку, тут же процветшую. Это — явная аллюзия на евангельскую сцену сватовства св. Иосифа к Деве Марии. Тем самым брак Либуше и Пршемысла наделяется христианской символикой, в ретроспекции долженствующей показать истоки богоизбранности династии. Палка процветает тремя ветками, из которых две засыхают. Сам Пршемысл трактует это как утверждение в последующем принципа примогенитур, иначе Чехия имела бы столько властителей, сколько было бы произведено на свет княжеских сыновей [11, s. 20]. Это — явная политическая инвектива Козьмы, поддерживавшего принцип передачи пражского трона от отца к старшему сыну в условиях XI–XII вв., когда, как принято выражаться в современной чешской историографии, «было слишком много князей» и все они вели междоусобные войны за пражский трон. Здесь легенда под пером Козьмы явно приобретает политическую актуальность.

В главе VII содержится рассказ о лаптях Пршемысла-пахаря (сума лыковая у Козьмы отсутствует, она появится в более поздних текстах) и приводится его наставление своим потомкам — взирая на эти лапти, при коронации не забывать

о своём простонародном происхождении и поэтому не зазнаваться, оставаться близкими к народу. Как представляется, эта идеологема близости верховной власти к народу, символизируемая простым предметом крестьянского обихода, по этому случаю сакрализируемому (ещё в системе языческих представлений, которые сохраняются и в государственной символике времён христианства), не имеет аналогов в этатизационных и династических преданиях остальной средневековой Европы. В этом чешская легенда уникальна. Более того, на основе этой мифологемы близости формируется идеологема тесной связи народа и монарха, получившая затем очень сильное подкрепление с формированием культа св. Вацлава и ставшая частью чешской идентичности.

Козьма прославляет Пршемысла как законодателя, подчинившего племя чехов не только своей сильной власти, но и законам, по которым страна управляется до сих пор [11, s. 23]. Здесь важен момент соединения сильной власти монарха и правления по законам, что объединяет властный и юридический принципы правления. Первая фаза этатизационного процесса завершилась, таким образом чехи вошли в число цивилизованных народов Европы.

Но, с точки зрения чешского средневекового этногосударственного патриотизма, этого недостаточно. Поэтому хронист вкладывает в уста Либуше ещё одно пророчество, явно им самим сочинённое. Княгиня-сивилла предсказывает основание города Праги, его расцвет и будущее величие чехов и их страны. Как уже говорилось, Д. Тршештик видит здесь апологию власти и верховенства в Чехии рода Пршемысловцев. Это верно, но недостаточно для более полного объяснения этой «патриотической оды». Собственно говоря, перед нами наиболее патриотический по содержанию текст раннего чешского Средневековья. Кроме будущего процветания столицы Козьма, как христианский автор, делает также акцент на появлении в Чехии двух национальных святых — князя Вацлава и пражского епископа Войтеха, которые не только станут известны своей святостью, но и прославят на весь мир свою родину совершаемыми ими чудесами. Приведу это место в своём переводе: в Праге «в будущие времена появятся две золотые оливы, которые своей кроной вознесутся до седьмого неба и на весь мир воссияют своими чудесами. Будут их почитать жертвами и дарами и будут поклоняться им все поколения чешской земли и другие народы. Одна из них станет известна как *Major Gloria*, по-чешски *Věťší sláva* (т. е. Вячеслав — старославянская форма имени Вацлав. — *Г. М.*), а вторая — как *Exercitus Consolatio*, по-чешски *Voje útěcha* (Войтех. — *Г. М.*)» [11, s. 24]. Так у Козьмы парадоксальным образом языческая пророчица вещает о будущих чешских христианских святых, которые прославят Чехию. Но Либуше не только языческая пророчица, уже уподобленная Кумской сивилле, она также чешская княгиня. Вкладывая в её уста данное предсказание, Козьма стремится к объединению государственной и церковной традиций, показывает, что вершина славы чехов находится не только в светской сфере, но и в церковно-христианской. Тем самым он методом ретроспекции подводит базу под культ св. князя Вацлава, в котором объединяются чешская государственная и христианская традиции для создания образа святого, прославленного во всём христианском мире. Но вдруг, как бы вспомнив

о языческой принадлежности Либуше, Козьма пишет, что она бы и дальше говорила, если бы «адский пророческий дух» не покинул её [11, s. 24]. Тем самым Козьма противоречит сам себе, ведь ранее он уподобил Либуше Кумской сивилле, а теперь её устами предсказал славу Чехии и её особо почитаемых святых. В итоге, вышло, что адский дух предрекает христианскую славу Чехии, что явно нелогично. Как можно объяснить непоследовательность Козьмы, нам непонятно, тем более что далее в тексте не происходит снижения образа Либуше, когда хронист переходит к другим сюжетам, с нею связанным.

В хронике Козьмы есть ещё много деталей, относящихся к избранию Пршемысла, но мы не будем на них останавливаться, так как они не имеют существенного значения.

Хроника Козьмы Пражского сформировала легенду о призвании Пршемысла-пахаря на княжение как основное чешское государственное предание. Последующие хронисты повторяют сюжет легенды, прибавляя или убавляя отдельные детали. Во Втором продолжении хроники Козьмы Пражского (XII в.) очень кратко пересказываются основные сведения, приводимые Козьмой. Есть небольшая деталь: просто констатируется, что конь Либуше знал дорогу в Стадице, сплетен не приводится. Сама легенда излагается в конце повествования этого анонимного хрониста как своеобразный эпилог [15, s. 186–189], подчёркивающий политическое значение легенды. За ней идёт лишь перечень чешских князей — потомков Либуше и Пршемысла.

Хроника так называемого Далимила (начало XIV в.), как известно, содержит в себе идеологему чешского этнопатриотизма, иногда принимающего экстремальные формы [1, с. 59–62]. Этатизационной легенде хронист отводит значительное место: ей посвящены главы III–VII, CVI. В отличие от хроники Козьмы, где главы не имеют названия, Далимил даёт заголовки, краткие и ёмкие, позволяющие без труда найти нужное место в его чешскоязычном поэтическом тексте. В главе III «О мудром отце Либуше» рассказывается, по Козьме, не только о происхождении обоих, но и о народном вече чехов, потребовавших найти для племени князя. Здесь сразу обращает на себя внимание новация Далимила. У него чехи говорят, что в своей среде они не знают достойного человека, поэтому просят Либуше указать им, из какой страны взять князя [14, s. 23]. В следующей главе «Пророчество Либуше» она предупреждает чешский народ: не желайте себе чужеземца, он легко вас погубит. Далее следует инвектива против иностранцев, выходцев из других стран и обоснование того, что каждый народ должен иметь правителя из своей среды [14, s. 23–24]. Такая новация была чрезвычайно актуальна после пресечения по мужской линии династии Пршемысловцев в 1306 г. и после нескольких лет смуты, в которой принимали участие князья из Германии, избрания на чешский королевский трон представителя иностранной династии Люксембургов Иоганна (Яна), получившего чешскую корону вместе с рукой женской представительницы рода Пршемысловцев Элишки. Прямые аналогии брака Либуше с избранием нового чешского правителя напрашивались сами собой, что хронист и осуществил, акцентировав политическую актуальность темы и усилив патриотическую идеологию в её репрезентации [5].

В разделе той же главы, озаглавленном «О коне Либуше», Далимил говорит о том, что послы должны идти за конём Либуше и следить: около кого он остановится, тот и будет князем. Нет ни слова о сплетнях, связанных с добрачными отношениями Либуше и Пршемысла. Тем самым Далимил изменяет статус события, прямо говоря, что выбор князя происходит по указанию Провидения [14, s. 24].

В главе V о нахождении Пршемысла-пахаря и о дереве, выросшем из его палки, вместо трёх распутившихся ветвей, как у Козьмы, фигурируют пять. В следующей главе сам Пршемысл объясняет это так. У его потомка — чешского князя — будет пять сыновей, но останется жить лишь один, зато прекрасный. В этой главе особое значение имеют слова Пршемысла о своём простонародном происхождении. Он говорит, что сухая палка означает его сельское происхождение. То, что она быстро процвела, предзнаменует то, что династия Пршемысловцев станет королевской [14, s. 25–26]. Козьма об этом, конечно, знать не мог. Далимил уже знает, поэтому наделяет Пршемысла пророческим даром. Пророчество о том, что чешские князья станут королями, у Далимила усиливает фигуру Пршемысла. Это легитимизирует крутое правление «железной рукой», о котором он предупреждал послов в предыдущей главе.

Далимил, в отличие от Козьмы, не говорит подробно о будущей социальной структуре государства и его законах. Он лишь констатирует, что Пршемысл и Либуше дали народу закон [14, s. 27]. Очень характерно, что по сравнению с Козьмой у Далимила Либуше также становится законодательницей. Здесь можно усмотреть актуальный политический намёк на Элишку Пршемысловну, на равных вступающую в брак с новым чешским монархом и этим осуществляющую трансляцию чешского права, возникшего при Пршемысловцах, которое новый властитель, как положено по традиции, клянётся соблюдать.

Пророчество Либуше даётся Далимилом по Козьме, в нём есть слова о будущей славе чешских святых Вацлава и Войтеха, но особый акцент, в отличие от Козьмы, Далимил делает на грядущем величии Праги как столицы Чехии, т. е. на светской, государственнической составляющей идеологии чешского патриотизма. Он прямо говорит, обыгрывая семантику топонима «Прага», происходящего от слова «порог» (чеш. *prah*), что сделал ещё Козьма, о том, что перед ней, как перед порогом, будут склонять голову князья и короли, люди сильные, как львы. Либуше называет Прагу «своим городом», которому будет воздаваться честь и хвала [14, s. 27–28]. Этим автор, как представляется, подчёркивает приоритет «местной» женщины, передающей бразды правления своему, но всё же пришлому, из деревни Стадице, мужу, что опять же содержит намёк на брак Элишки с Иоганном Люксембургом и первенствующее значение Праги как исконно чешского, либушиного города. В этнодемографической ситуации времён написания хроники Далимила, когда количество немцев в столице было особенно велико, этот акцент приобретал острую актуальность, усиливая этническое противостояние.

Реминисценция простонародного происхождения династии содержится в главе XLI «О сельской княжне Божене». В ней рассказывается о том, как князь Олдржих взял в жёны простую крестьянку, красавицу Божену. Разгневанным вель-

можам князь советует вспомнить о крестьянском происхождении Пршемысла — основателя династии. Актуализация этого мотива дополняется этнопатриотической идеей превосходства чехов над немцами: Олдржих говорит, что лучше жениться на скромной чешской селянке, чем на немке, хотя бы и императрице, которая явно будет способствовать усилению немецкого элемента в стране [14, s. 77–78].

Пророчество Либуше о будущей славе чехов и сам её выбор мужа-князя автор вспоминает («помни, что говорила Либуше») в главе CVI, когда говорит о браке Элишки Пршемысловны с Иоганном Люксембургом. Эта глава заключительная в Хронике Далимила, поэтому она имеет особое политико-идеологическое значение. Здесь обращение к чешской этатизационной легенде вновь звучит в этнопатриотическом контексте.

В «Збраславской хронике» аббата Петра Житавского [1, с. 56–58], завершённой около 1332 г., имеются политические аналогии, аллюзии, восходящие к пршемысловской легенде. Сам ранний период чешской истории в хронике не рассматривается. Пётр Житавский пишет, что нынешние времена, т. е. 1320–1330-е гг., сходны с первоначальными, но никак это не аргументирует. Он, как и Далимил, сравнивает брак Либуше с браком Элишки Пршемысловны [21, s. 88]. Говоря об управителе государства гетмане (с 1331 г.) Олдржихе Плуге из Рабштейна, у которого в гербе был изображён плуг (по-чешски *pluh*), он сравнивает его с Пршемыслом-пахарем и характеризует как «мужа усердного», соблюдающего законы, установленные с давних пор [21, s. 388], т. е. со времён основателя династии. Тем самым хронист возвеличивает этого вельможу. Поэтому непонятна позиция автора комментариев к изданию хроники известного чешского историка З. Фиалы, считающего, что, упоминая плуг, Пётр Житавский хотел принизить гетмана, потому что церковные феодалы, к которым относился аббат Збраславского монастыря Пётр, всегда принижали крестьян [21, s. 15]. Здесь, как мы видим, марксистский классовый подход к истории помешал крупному исследователю объективно интерпретировать источник.

Пршемысловскую легенду великолепно знала чешская знать, что подтверждает следующий рассказ хрониста. В 1306 г. при обсуждении аристократами кандидатур на освободившийся чешский трон сторонник кандидата от Габсбургов Добеш (Тобиаш) из Бехине в насмешку сказал, что если остальная знать не хочет короля-иностранца, то пусть Элишка, как некогда Либуше, пойдёт в деревню Стадице и выберет себе мужа из тамошних крестьян. В ответ на такое оскорбление государственно-династического предания один из Лихтембурков убил Добеша на глазах епископа Яна из Дражиц [21, s. 136–137, 441–442], затем ставшего выдающейся фигурой чешской культурной и церковной жизни. Смысл этого инцидента состоит в том, что никому не позволено смеяться над простонародным местным происхождением династии, это — часть патриотического сознания.

В эпоху Карла IV (середина XIV в.), сына Элишки Пршемысловны и Иоганна Люксембурга, придворная хронистика [1, с. 61–66; 3, с. 317–322; 12, s. 557–594] вновь, причём очень значительно, реанимировала пршемысловскую легенду, актуализировав её содержание исходя из новой идеологемы власти монарха, где, наряду с верховенством христианско-церковных ценностей и прямо связанной

с ними концепции верховной светской власти, значительное место отводилось патриотическо-династической доктрине и богоизбранности чешского народа и его властителя [3, с. 324].

Хронист Бенеш Крабице из Вайтмиле, пересказывая эпизод с убийством Добеша, делает иной акцент по сравнению с Петром Житавским. Он пишет, что знатные люди не хотели, чтобы над ними властвовал крестьянин [12, s. 181]. Тем самым знать становится в оппозицию главному государственному преданию. Однако убивший Добеша шляхтич Крушина остаётся безнаказанным, несмотря на то что в дверях палаты стояло много вооружённых людей [12, s. 181]. У Бенеша Крабице убийца оскорбившего предание относится не к числу аристократии, а к средним шляхтичам, может быть, поэтому он получил поддержку людей из этой же среды, настроенных более патриотично, чем знать.

Хорошее знание чехами легенды о Либуше хронист подтверждает, когда говорит о необыкновенной физической силе жены Карла Элишки Поморянской, указывая на то, что в Чехии не было такой сильной женщины со времён самой Либуше [12, s. 243].

В хронике Франтишка Пражского пршемысловская легенда переосмыляется в негативном аспекте. Он пишет, что первоначально, в древности, в Чехии не было порядка, а при Элишке Пршемысловне, вышедшей замуж за иностранца, королевство пришло в полный упадок, поэтому весь порядок нужно обновить [12, s. 110]. Это, с одной стороны, призыв к Карлу IV установить порядок в стране, но, с другой стороны, прямолинейно понятый патриотизм далимиловского толка дискредитировал родителей Карла и всю чешскую древность, тем более что в другом месте хронист прямо осуждает Либуше за то, что взяла себе «неизвестного мужа» [12, s. 110], имея в виду незнатное происхождение Пршемысла. Вряд ли можно согласиться с комментаторами текста в том, что Франтишек Пражский плохо понял свой источник — Збраславскую хронику [12, s. 164]. Скорее, акценты были переставлены специально.

Как мы видим, в XIV в., наряду с традиционной позитивной интерпретацией пршемысловской легенды, возникает её негативная трактовка, прежде всего в среде знати. Поэтому неудивительно, что хроники Бенеша Крабице и Франтишка Пражского были негативно оценены Карлом IV. В заказанной им итальянскому аббату Джованни Мариньоле «Чешской хронике», наоборот, мы видим глорификацию Либуше и валоризацию самой легенды, приобретающей новые символические черты. Может быть, автору-иностранцу было легче выполнить высочайший заказ с идеологической точки зрения, чем местному чешскому хронисту, слишком хорошо знакомому с реальной стороной чешской истории.

Мариньола внёс свой вклад в концепцию богоизбранности чешского народа и его нынешнего монарха, используя, конечно, некоторые идеологемы, уже содержащиеся в чешских хрониках. Он проводит прямую аналогию между Либуше и Элишкой Пршемысловной. В обоих избраниях мужа подчёркивается, что это — выбор, сделанный женщиной по настоянию народа, причём в этом выборе автор усматривает Божью волю [12, s. 456], а не решение веча, усиливая тем самым

ретроспективную христианизацию легенды, намеченную уже у чешских хронистов. Итальянец прямо пишет, что у Либуше был «пророческий дух от Бога» [12, s. 456], а не от дьявола, как сказано у Козьмы. Тем самым Мариньола устранил противоречие, смущающее читателя лучшей чешской хроники. Далее у Мариньолы излагается мифический этногенез славян и чехов, в котором Элишка символически уподоблена пророчице Либуше, прямо вписанной в этногенез чехов [12, s. 456].

Через несколько глав со своими сюжетами следует рассказ о Либуше и Пршемысле, заимствованный из сочинения Козьмы Пражского. В него Мариньола добавляет новации. Ещё до вещего указания Либуше на вече, т. е. до выборов князя, Пршемысл поутру приходит к дому Либуше. Тем самым Мариньола подтверждает предположение Козьмы, высказанное им в иронической форме, о том, что главные персонажи легенды были давно знакомы и, очевидно, состояли в сговоре. Но итальянец снимает низкую мотивировку знакомства, так как у него Пршемысл рассказывает Либуше о чуде, происшедшем с ним. Когда он запрягал волов, то множество птиц, в том числе орлов, пролетело над его головой и село на его плуг [12, s. 460]. Здесь, используя геральдическую символику, хронист явно намекает на чешский и имперский гербы, изображавшие орлицу и орла соответственно, соединить которые удалось только Карлу IV, и на будущий взлёт самого Пршемысла и его потомков. Таким образом, через средневековую символику брак Пршемысла и Либуше получает божественную санкцию. Либуше, отвечая Пршемыслу, говорит, что это — «хорошее предзнаменование», что она будет его женой, а он князем, но чтобы он сейчас возвращался назад и ждал последующих событий [12, s. 460]. Читателю всё же остаётся непонятным, зачем хронист оставляет мотив сговора, даже сакрализируя его описанием чуда. Можно лишь робко предположить, что здесь также имеется в виду параллель с Элишкой Пршемысловной, которая уж точно знала об одном из своих женихов — Иоганне Люксембурге.

Призвание Пршемысла от сохи дано Мариньолой также по Козьме и Далимилу, но с добавлением мелких деталей, имеющих символический характер. Подчёркивается белый цвет в окраске волов, обладавший широким семантическим полем. Конь Либуше выступает как орудие божественного промысла, указывающее на избранника. Волы волшебным образом исчезают, ореховое дерево (не палка!) прорастает, Пршемысл ест хлеб и сыр [12, s. 460], а не просто еду, как у Далимила. Исследователи доказали, что Мариньола использовал латинский перевод хроники Далимила и латинскую версию хроники Пулкавы [12, s. 517]. Из Козьмы и Пулкавы он взял упоминание о лаптях Пршемысла-пахаря, но из каких-то соображений опустил его пророческое наставление. Может быть, итальянский аббат не хотел излишне акцентировать память о крестьянском происхождении династии, которое в глазах Европы представлялось не очень почтенным. Далее автор вводит новый элемент: Пршемысл возлагает ярмо с исчезнувших волов (что должно символизировать оставление им крестьянских занятий и соответствующего статуса) на коней послов, что символически выражало необходимость смиренного повиновения народа своему князю [12, s. 460]. После не содержащего новаций изложения пророчества Либуше о будущей славе Чехии и Праги следует рассказ об основа-

нии чешской столицы, что композиционно имеет целью показать реалистичность пророчества [12, s. 461].

Очень важна композиция последней главы. В содержащихся там стихах Либуше вновь сравнивается с Элишкой Пршемысловной. В уста Либуше вкладываются слова о том, что Элишка родит славных потомков, т. е. не названного по имени Карла IV [12, s. 502]. Таким образом, формируется прямая историческая линия: Либуше как жена первого Пршемысловца — Элишка как последняя Пршемысловна — её сын Карл IV как высшее звено генеалогического древа чешских правителей, которому, как дальше говорится у Мариньолы, надлежит выполнить особую государственно-сакральную миссию. Второе пророчество Либуше, полностью сочинённое Мариньолой, возводит на новый уровень всю пршемысловскую этатизационную легенду, придавая ей политическую и идеологическую актуальность, до тех пор в такой сильной степени не встречавшуюся в чешской хронистике.

Большее значение, чем хроника Мариньолы, для чешского общества имела «Чешская хроника» Пршибика Пулкавы, которую редактировал сам Карл IV. Она существует в двух версиях — латинской и чешской. Вторая, выполненная под руководством самого Пулкавы, содержит больше патриотических элементов. Уже во второй главе этой хроники, где говорится об этногенезе славян, присутствует идеологема богоизбранности чехов. В главе III акцентируются польско-чешские родственные связи: чех Крок считается братом или сыном поляка Крака, основателя Кракова. Далее история Либуше, дочери Крока, излагается по Козьме с мелкими отклонениями. Так, сообщается, что Либуше основала Вышеград — одну из главных крепостей государства, ранее всегда считавшуюся крепостью Пршемысла, ставшего князем. У хрониста складывается этноисторическая топография, связанная с началом династии Пршемысловцев и служащая историко-патриотическим целям. Так, деревня Стадице находится примерно в 10 милях от Вышеграда на реке Билна, на которой старшая сестра Либуше Бела, она же Кази, основала град Билна. Подробно описывается поле Пршемысла [12, s. 272–275].

Принципиальной новацией становится утверждение хрониста, содержащееся в речи послов, что Пршемысла приглашают на княжение не по пророчеству Либуше, а потому, что «народ избрал тебя князем» [12, s. 273]. Это — явно прямая аллюзия на выборы нового короля Иоганна Люксембурга. В то же время хронист подчёркивает особый, волшеббно-сакральный характер избрания Пршемысла: волы, на которых он пахал, сразу же исчезают (эпизод, затем заимствованный Мариньолой). Прут, которым он погонял волов (не палка!), будучи воткнут в землю, даёт три ветви с орехами (уже известный нам мотив), причём третья, незасохшая, сохранилась и до сих пор приносит орехи, притом волшебные [12, s. 273]. Эта новация Пулкавы, очевидно, должна была также инкорпорировать предание в ландшафт и привести вещественные доказательства произошедшего чуда.

Пулкава ни слова не говорит о будущем жёстком правлении Пршемысла. В его объяснении усыхания ветвей содержится пророчество относительно его рода: он вымрет по мужской линии [12, s. 274]. Здесь мы видим опять же намёк на избрание нового короля — Иоганна Люксембурга.

Пулкава акцентирует простонародное происхождение династии. Пршемысл взят на княжение прямо от сохи, рассказывается о его лаптях и суме лыковой как напоминании потомкам о происхождении рода. К этому эпизоду, взятому у Козьмы и Далимила, Пулкава прибавляет христианскую сакрализацию этих объектов. Он пишет о том, что в будущем каноники должны будут при коронации идти навстречу королю, неся в руках и показывая ему лапти и вешая ему на плечо лыковую суму [12, s. 274]. Это, как показывают другие источники, стало частью обряда коронации, разработанного самим Карлом IV [4].

Далее следует пророчество Либуше об основании Праги с новыми деталями. У Пулкавы, по сравнению с Козьмой, в пророчестве Либуше не содержится «адского духа», город Прага возникает сразу же вслед за пророчеством, как и у Далимила. По сравнению с Козьмой в пророчестве Пршемысла о своих потомках нет аллюзии на ситуацию, когда «слишком много князей», так как это потеряло всякую актуальность. Зато в пророчестве Либуше есть прямое указание на время Карла IV: о Праге говорится как об одном из крупнейших мощехранилищ Европы, каковой она стала только благодаря императору. Некоторая новация, связанная с идеологией власти Карла IV, содержится в комментарии Пулкавы к словам Либуше о будущей славе святых Вацлава и Войтеха. Пулкава пишет: «Как епископ в деятельности духовной, так и князь в деятельности светской, они так прожили свою земную жизнь, что с пальмой мученичества достигли царствия небесного» [12, s. 274]. Здесь в ещё большей степени, чем у Козьмы, утверждается союз светской и церковной власти, а князь и епископ воплощают двуединство главных чешских святых. Это же двуединство хронист отмечает в современной ему Праге, «где властвуют епископ и король, как в суде духовном, так и светском» [12, s. 274], что соответствует принципиальному положению доктрины императорско-королевской власти Карла IV о тесном союзе с церковью.

После такой ретроспективной христианизированной актуализации хронист переходит к рассказу об установлении в Чехии законов. Как и ряд предыдущих хронистов, Пулкава называет Пршемысла «великим прорицателем», который, посоветовавшись с Либуше, установил законы, «которыми Чехия управляется вплоть до сегодняшнего дня» [12, s. 275], что подчёркивает континуитет государства и права.

В главе VI есть два существенных и взаимно пересекающихся момента — продолжение исторической топографии и скрещение судеб Пршемысловцев, давших св. Вацлава, и Славниковцев, давших св. Войтеха. Пулкава пишет, что потом Либуше построила град Либушин на реке Лабе недалеко от современного города Колин и была в этом граде похоронена. Затем он перешёл во владение вельможи Славника, из рода которого происходил св. Войтех, родители которого там же и похоронены [12, s. 275]. Это — современный нам посёлок Либице, крепость которого, восходящая к X в., была раскопана и основательно изучена археологами. В конце XX в. там поставили два памятника св. Войтеху: один изображает его ребёнком, так как он здесь родился, а другой — его уход вместе с братом Радимом, будущим первым епископом Польши, прочь из Либице, в которой по приказу князя был уничтожен весь род Славниковцев. Конфликт Пршемысловцев и Славниковцев, хорошо

известный по чешским хроникам и житию св. Войтеха, Пулкава стремится сгладить, объединяя в одном топониме эти два рода. При этом он явно руководствуется традицией совместного почитания этих святых и идеологией двуединства светской и сакральной власти, утвердившейся в эпоху Карла IV. Поэтому мнение современных комментаторов Пулкавы о том, что отождествление града Либушин, упоминаемого Козьмой, с Либице — это позднейшая необоснованная интерпретация Пулкавы [12, s. 413], представляется поверхностным, не учитывающим идеологическое содержание хроники.

Однако в следующей главе, повествующей о так называемой девичьей войне, автор хроники сам себе противоречит, указывая на то, что Либуше похоронена на Вышеграде [12, s. 275]. Можно логически предположить, что предыдущее сообщение о том, что Либуше умерла и была погребена в Либице — позднейшая вставка, об идеологическом характере которой было только что сказано, но у нас нет сведений о позднейшем редактировании текста, к тому же возникает вопрос, почему редактор, так же как автор хроники, не заметил явного противоречия в текстах, расположенных рядом. Ответов пока нет.

В главе XC в рассказе об убийстве Добеша из Бехине опущено сравнение ситуации при выборах нового чешского короля в начале XIV в. с избранием Пршемысла-пахаря, лишь сказано, что тем самым сбылось предсказание Пршемысла, что в контексте не очень понятно [12, s. 394–395]. Какие-либо аналогии двух политически детерминированных браков здесь отсутствуют.

В целом, в хронике Пулкавы наиболее чётко и полно представлена уже имевшаяся в чешской хронистике тенденция предельно идеологизировать и актуализировать пршемысловскую легенду.

Новая актуализация легенды происходит в чешском обществе после гуситских войн, когда в 1445 г. во время царившего в стране безвластия при короле-младенце Ладиславе Погробеке в результате разочарования народных масс, принимавших активное участие в гуситском движении и гуситских войнах, в той самой деревне Стадице, откуда на княжение был взят Пршемысл-пахарь, появился крестьянин Якуб. Об этом нам сообщают Старые летописи чешские — источник сложного происхождения и состава [1, с. 68–71; 22, s. 5–15]. Там сказано, что на Пасху 1445 г. «сидел у Стадиц под Пршемысловым кустом (попутно отметим укоренение местной исторической топографии, о которой так заботился Пулкава, и предания о том, что орешник, выросший из палки Пршемысла, существует до сих пор. — Г. М.) какой-то сумасбродный идиот и говорил, что он должен быть чешским королём. Съезжались к нему панюши, рыцари и простые люди со всех сторон и дивились, что бы это могло значить». Потом местные власти его арестовали, посадили в тюрьму замка Роуднице, затем отправили к бургомистру Праги [22, s. 154]. На этом его след теряется. Современный комментатор указывает также на то, что Якуб был крепостным крестьянином, провозгласившим себя посланным Богом крестьянским королём, а весть об этом «стадицком короле» довольно широко распространилась [22, s. 482]. Исследователи не придают большого значения этому локальному казусу. Однако он представляется весьма значимым с точки зрения общественного

сознания. Он демонстрирует разочарование крестьянства, ничего не получившего в результате гуситских войн, отличавшихся демократизмом своей программы, и возвращение монархических идеалов крестьянства. При таком повороте, конечно, на первый план выступала легенда о первом монархе из крестьян — Пршемыслепахаре. Само её воскрешение, исходившее из простой неграмотной крестьянской среды, ярко свидетельствует об укоренении пршемысловской легенды и её сакральных и локальных аспектов в сознании широких слоёв чешского общества.

В «Чешской хронике» Вацлава Гаека из Либочан, изданной в 1541 г. и ставшей самой популярной чешской хроникой вплоть до конца XVIII в., мы видим явную беллетризацию легенды, как и всей истории Чехии [2]. Из Крока и Крака автор делает двух Кроков — чешского и польского, при этом родственников [10, s. 55], тем самым продолжая сохранять идеологему чешско-польского родства, взятую им у своих предшественников. Чешский Крок был пророком, как и его третья дочь Либуше [10, s. 59, 63]. Гаек повторяет Пулкаву, говоря о том, что Либуше основала град Либице, более конкретно локализуя её на слиянии рек Лабе и Цидлины, где княгиня и завещала себя похоронить [10, s. 65–66]. Остатки града Либице, ныне музеефицированные, находятся чуть дальше от слияния рек, где теперь расположено несколько летних пивных. В традиции чешской исторической топографии Гаек идёт ещё дальше, приписывая основание всех градов, название которых начинается с Либ-, самой Либуше, так же как и заложение главной крепости государства — Пражского града.

Гаек превращает сцену суда Либуше и призвания Пршемысла в эпизод яркого исторического романа (в позднейшем значении этого жанра), опираясь на предшествовавших хронистов и не внося ничего принципиально нового в интерпретацию [10, s. 75–84]. Он лишь вводит, явно для имитации исторической достоверности и точности, вымышленную им датировку событий. По пророчеству Либуше род Пршемысловцев будет править 584 года. Исходя из всем известной даты смерти Вацлава III — 1306 г. Гаек датой избрания Пршемысла называет 722 г., даже даёт точную дату отъезда к нему послов — 13 мая 722 г. [10, s. 79–80]. Отметим, что датировка установления власти Пршемысловцев 720-и гг. не столь уж фантастична, так как о первом реальном, а не легендарном чешском князе из династии Пршемысловцев — Борживое — мы имеем сведения (о его крещении в Великой Моравии св. Мефодием), датируемые промежутком между 874–885 гг. [20, s. 235; 9, s. 44].

У Гаека, как и у его предшественников, к Пршемыслу послов ведёт конь Либуше, «который хорошо знает дорогу». Здесь Гаек даёт новую деталь: конь белый [10, s. 79] (у других авторов белыми были волю Пршемысла). Сам белый цвет обладал широким позитивным семантическим полем, а образ белого коня содержал в себе особо значимые смыслы [7, с. 590–594]. Гаек, как и другие хронисты, в случае с конём не избежал противоречий. Сначала он сообщил, что конь знал дорогу, но через несколько строк говорит о том, что послы не знали, куда ехать, и спросили дорогу в Стадице у идущего по дороге парня. Этот же мотив присутствовал у Далимила [14, s. 25], но в свёрнутой форме: конь приводит послов к Пршемыслу, но те заранее спросили у местного крестьянина имя пахаря. У Далимила конь останавли-

---

вается как вкопанный перед Пршемыслом, у Гаека же падает перед ним на передние ноги, но после того, как послы обратились к Пршемыслу [10, s. 80]. Значит, и здесь конь не был указчиком. В чём же тогда у Гаека состоял смысл функции коня, непонятно.

Далее в хронике Гаека, как и у других хронистов, упоминается завтрак Пршемысла за «железным столом», которым служит плуг. Здесь можно видеть дwoякую, связанную между собой символику. Железо стола-плуга указывает на «железную руку» будущего правителя, о чём прямо говорят Козьма и другие авторы, кроме Пулкавы. Но этот предмет «двойного назначения» также становится прообразом королевского железного трона, который хорошо известен всей европейской средневековой литературе. Здесь авторы обыгрывают превращение плуга в стол как трансформацию орудия крестьянского труда в престол властителя, имея в виду резкое социальное возвышение Пршемысла из пахарей в князя.

Первый раз, по Гаеку, когда Пршемысл отказывает послам, происходит чудо, семантику которого трудно понять: из скалы, как из хлева, потекла вонючая вода, «что можно видеть и сейчас» (?!), и процвела палка, воткнутая непонятно кем, так как прямо не сказано, что это сделал Пршемысл [10, s. 80]. Место довольно тёмное; очевидно, заложенные в нём смыслы были ясны автору, но мы утратили ключ к ним. Об усыхании ветвей, кроме одной, на процветшей палке, что означало установление в будущем примогенитур, ничего не сказано. Наоборот, говорится о том, сколько есть ветвей (при этом их количество не указывается), столько и будет князей, что исторически потом вылилось в ситуацию, когда «слишком много князей». Относительно лаптей Гаек добавляет утверждение о том, что их всегда (!) показывали королю и народу при коронации, но они потерялись при взятии королём Сигизмундом Вышеграда в начале гуситских войн [10, s. 82].

Говоря о Пршемысле и Либуше как законодателях, Гаек подчёркивает, что они, «живя вместе в добре и любви, ничего иного не хотели, нежели спокойствия и просвещения своего народа» [10, s. 83]. В появлении последней позиции — просвещения («vzdělání») — сказывается влияние идей Ренессанса, той эпохи, к которой принадлежал сам Гаек.

Пророчество Либуше Гаек не только точно датирует 723 г., т. е. годом, следующим за избранием Пршемысла, но и расширяет, включая в него предвидение широких горнорудных разработок в Чехии [10, s. 92–93].

Смерть Либуше превращается у Гаека в настоящую театральную сцену, в которой много новых важных семантических элементов. Либуше молится языческому идолу Зели, представленному как муж, сделанный из золота и сидящий на престоле. Он символ процветания Чехии. Гаек обращает внимание читателя на набожность Либуше, хотя и языческую, но направленную на процветание Чехии. Здесь же автор, сам католический священник, указывает на будущее крещение Чехии. Пршемысл приказывает вложить в руку мёртвой Либуше мешочек с пятью золотыми грошами со словами: «Это она сегодня должна пожертвовать неизвестному богу», под которым, по нашему мнению, подразумевается ещё неизвестный чехам Христос. Одновременно в другую руку Либуше вкладывают два серебряных гроша для водителя

душ на тот свет и лодочника, под которым просвещённый Гаек явно имеет в виду античного Харона [10, s. 95]. Кстати, здесь хронист нарисовал довольно верную картину будущего двоеверия, когда в захоронение знатного человека клали предметы и с христианской, и с языческой символикой. Уточняя Пулкаву, Гаек говорит, что Либуше была похоронена перед воротами града Либице [10, s. 95].

Смерть Пршемысла Гаек датирует 745 г. Предсмертная речь Пршемысла представлена как некая лекция по чешской истории начиная с праотца Чеха. От чешских старейшин князь требует верности своему сыну Незамыслу, стремясь тем самым утвердить континуитет династии. Похоронили Пршемысла на Вышеграде [10, s. 116–117].

Общее впечатление от пршемысловской легенды в интерпретации Гаека — снижение её сакральности при обильном введении второстепенных красочных деталей, не меняющих её смысл. Это можно объяснить временем создания сочинения Гаека. После избрания в 1526 г. на чешский трон Габсбурга старая этагизационная легенда утратила политико-династическую актуальность. На самом деле она её потеряла раньше, к середине XV в., когда полностью вымерли даже косвенные наследники рода Пршемысловцев, но в промежутке между серединой XIV и серединой XV вв. в Чехии не было создано ни одной исторической хроники, так что отразить уменьшение интереса к потерявшей актуальность легенде довелось лишь Гаеку. Как бы компенсируя эту редукцию, он превращает легенду в красочное беллетризованное повествование, сохраняя при этом почти все её смыслы, прежде всего патриотическое звучание.

В заключение следует отметить следующее. При всей вариативности легенды она всегда выполняла функцию главного предания чехов, в котором объединились элементы этнического, государственного, исторического сознания средневековых чехов, сфокусированного в династии Пршемысловцев. У соседних с чехами народов и в Европе в целом не существует аналогов чешской этагизационной легенды. Польская пястовская легенда возникла позже, под непосредственным влиянием чешской легенды, но не достигла её цельности. Главная специфика легенды о возникновении чешской государственности состоит в том, что она тотально этнопатриотична и одновременно сакрализована. Легенда объясняет, утверждает и легитимизирует трансформацию чешского общества от языческой свободы и демократии через их деградацию к установлению княжеской, монархической власти и законов, а также социальной структуры средневекового общества. Ретроспективная христианизация легенды позволяет ввести её в сознание чешского средневекового христианина. Легенда стала неотъемлемой частью чешской идентичности, что подтверждается сведениями о её широком распространении. Конечно, в разных текстах легенды есть некоторые логические противоречия и нестыковки. Но пророчество о грядущей светской и христианско-церковной славе Чехии, вложенное в уста Либуше и, как мог убедиться любой, знакомый с легендой и последующей историей Чехии, оправдавшееся, вселяло оптимизм в души чехов. Именно поэтому легенда и прежде всего образ Либуше стали чрезвычайно востребованы в эпоху Национального воз-

рождения, которая воскресила представления о былой славе чехов и на этой основе сформировала свою идеологию нового расцвета родной страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Лантева Л. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 200 с.
- 2 *Мельников Г. П.* Гаек из Либочан // *Культура Возрождения. Энциклопедия.* М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. С. 377–378.
- 3 *Мельников Г. П.* Культура Чехии X – начала XVII в. // *История культур славянских народов.* М.: ГАСК, 2003. 488 с., ил.
- 4 *Мельников Г. П.* «Уложение о коронации чешского короля» Карла IV: идеология и обряд // *Славяне и их соседи. Тезисы XXII конференции: Репрезентация верховной власти в средневековом обществе.* М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004. С. 55–56.
- 5 *Мельников Г. П.* Чешский политический эрос: мифополитологемы Средневековья // *Национальный Эрос и культура.* М.: Ладомир, 2002. Т. 1: Исследования. С. 259–271.
- 6 *Мельников Г. П.* Чешско-польские отношения в XIV в.: от претензий на польский трон к концепции «старшего родственника» // *Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма.* М.: Ин-т славяноведения РАН, 1989. С. 36.
- 7 *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 702 с.
- 8 *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 704 с.
- 9 *Československé dějiny v datech.* Praha: Svoboda, 1986. 714 s.
- 10 *Hájek V.* *Kronika česká: Výbor historického čtení.* Praha: Melantrich, 1981. 386 s.
- 11 *Kosmova Kronika česká.* Praha: Svoboda, 1972. 264 s.
- 12 *Kroniky doby Karla IV.* Praha: Svoboda, 1987. 656 s.
- 13 *Merchautová A., Třeštík D.* *Romanské umění v Čechách a na Moravě.* Praha: Odeon, 1983. 168 s.
- 14 *Nejstarší česká rýmovaná Kronika tak řečeného Dalimila.* Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1957. 343 s.
- 15 *Pokračovatelé Kosmovi.* Praha: Svoboda, 1974. 256 s.
- 16 *Třeštík D.* *Kosmas.* Praha: Svobodné slovo, 1972. 156 s.
- 17 *Třeštík D.* *Kosmova kronika. Studie k počátkům českého dějepiscectví a politického myšlení.* Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1968. 248 s.
- 18 *Třeštík D.* *Mýty kmene Čechů.* Praha: Lidové noviny, 2008. 292 s.
- 19 *Třeštík D.* *Počátky Přemyslovců. Vstup Čechů do dějin (530–935).* Praha: Lidové noviny, 1997. 544 s.
- 20 *Velké dějiny zemí Koruny české.* Praha; Litomyšl: Paseka, 1999. Sv. I. 800 s.
- 21 *Zbraslavská kronika.* Praha: Svoboda, 1976. 598 s.
- 22 *Ze starých letopisů českých.* Praha: Svoboda, 1980. 80 s.
- 23 *Žemlička J.* *Čechy v době knížecí.* Praha: Lidové noviny, 2007. 712 s.

* * *

Melnikov Georgy Pavlovich,

*PhD in History, Professor,
The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Lenin prospect 32a, 119334 Moscow, Russian Federation;
Dean of the Culturology Department,
FSBI HPE «State Academy of Slavic Culture»,
Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russian Federation
E-mail: geramel@mail.ru*

THE BOHEMIAN LEGEND OF THE ORIGIN OF THE STATE IN THE MEDIEVAL CHRONICLES

Abstract: Czech early medieval legend about the origin of the state which was formed as the result of the demands of the Czech tribe to establish princely power, and was realized through the marriage of prophetess Libuse and plowman Přemysla, had a very important influence on Czech culture and social consciousness. It was one of the major national historical legends of Czechs throughout the Middle Ages and it influenced the formation of the Czech identity. The comparison of the texts of the legend from various chronicles of XI–XVI centuries shows the updating of the legend through the details and shades of meaning, that was due to historical events, while maintaining its basic meaning. It is the idea of God's chosen right of the ruling dynasty of Přemyslids, the duality of the state and the church in the Czech public consciousness, democracy (a plowman becomes the prince), the proximity of sovereignty to the common people, and patriotism.

Keywords: Czech Republic, statehood, the legend, the Middle ages, chronicles, social thought, patriotism.

REFERENCES

- 1 Lapteva L. P. *Pis'mennye istochniki po istorii Chekhii perioda feodalizma* [Written sources on the history of Bohemia of the period of feudalism]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1985. 200 p.
- 2 Mel'nikov G. P. Hajek iz Libochan [Hajek from Libochany]. *Kul'tura Vozrozhdeniia. Entsiklopediia* [Culture of the Renaissance. Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, vol. 1, pp. 377–378.
- 3 Mel'nikov G. P. Kul'tura Chekhii X – nachala XVII v. [Bohemian culture of the X – the beginning of the XVII century]. *Istoria kul'tur slavianskikh narodov* [History of cultures of the Slavic people]. Moscow, GASK Publ., 2003. 488 p., il.
- 4 Mel'nikov G. P. «Ulozhenie o koronatsii cheshskogo korolia» Karla IV: ideologiia i obriad [«The code on crowning of the Czech king» Charles IV: the ideology and the ceremony]. *Slaviane i ikh sosedi. Tezisy XXII konferentsii: Reprezentatsiia verkhovnoi vlasti v srednevekovom obshchestve* [Slavs and their neighbours. Theses of the XXII conference: representation of the Supreme power in medieval society]. Moscow, In-t slaviano-vedeniia RAN Publ., 2004, pp. 55–56.

-
- 5 Mel'nikov G. P. Cheshskii politicheskii eros: mifopolitologemy Srednevekov'ia [Czech political Eros: mythopolitologems of the Middle Ages]. *Natsional'nyi Eros i kul'tura* [National Eros and culture]. Moscow, Lodomir Publ., 2002, p. 259–271. Vol. 1: Issledovaniia [Research papers].
  - 6 Mel'nikov G. P. Cheshsko-pol'skie otnosheniia v XIV v.: ot pretenzii na pol'skii tron k kontseptsii «starshego rodstvennika» [The Czech-Polish relations of the XIV century: from claims for the Polish throne to the concept of «the senior relative»]. *Slaviane i ikh sosedi. Mezhdunarodnye otnosheniia v epokhu feodalizma* [Slavs and their neighbours. The international relations during the feudalism era]. Moscow, In-t slavianovneniia RAN Publ., 1989, p. 36.
  - 7 *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999. Vol. 2. 702 p.
  - 8 *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2004. Vol. 3. 704 p.
  - 9 *Československé dějiny v datech*. Praha, Svoboda Publ., 1986. 714 s.
  - 10 Hájek V. *Kronika česká: Výbor historického čtení*. Praha, Melantrich Publ., 1981. 386 s.
  - 11 *Kosmova Kronika česká*. Praha, Svoboda Publ., 1972. 264 s.
  - 12 *Kroniky doby Karla IV*. Praha, Svoboda Publ., 1987. 656 s.
  - 13 Merchautová A., Třeštík D. *Romanské umění v Čechách a na Moravě*. Praha, Odeon Publ., 1983. 168 s.
  - 14 *Nejstarší česká rýmovaná Kronika tak řečeného Dalimila*. Praha, Nakladatelství Československé akademie věd Publ., 1957. 343 s.
  - 15 *Pokračovatelé Kosmovi*. Praha, Svoboda Publ., 1974. 256 s.
  - 16 Třeštík D. *Kosmas*. Praha, Svobodné slovo Publ., 1972. 156 s.
  - 17 Třeštík D. *Kosmova kronika. Studie k počátkům českého dějepisectví a politického myšlení*. Praha, Nakladatelství Československé akademie věd Publ., 1968. 248 s.
  - 18 Třeštík D. *Mýty kmene Čechů*. Praha, Lidové noviny Publ., 2008. 292 s.
  - 19 Třeštík D. *Počátky Přemyslovců. Vstup Čechů do dějin (530–935)*. Praha, Lidové noviny Publ., 1997. 544 s.
  - 20 *Velké dějiny země Koruny české*. Praha; Litomyšl, Paseka Publ., 1999. Sv. I. 800 s.
  - 21 *Zbraslavská kronika*. Praha, Svoboda Publ., 1976. 598 s.
  - 22 *Ze starých letopisů českých*. Praha, Svoboda Publ., 1980. 80 s.
  - 23 Žemlička J. *Čechy v době knížecí*. Praha, Lidové noviny Publ., 2007. 712 s.